

Карпенко Ю. А.
(Одесса)

«РЕКВИЕМ» А. АХМАТОВОЙ И СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА

Великий цикл Ахматовой «Реквием» завершается стихотворением «Опять поминальный приблизился час». Поминают — по имени, поминовение не может обойтись без собственных имен. Но это —

в нормальных условиях традиционного обряда. А здесь условия ненормальны: кровавая деспотия, тотальная слежка. Называть имена — ставить кого-то под удар. И поэтому вместо имен — печальная констатация: «Хотелось бы всех поименно назвать,/Да отняли список, и негде узнать». Последняя фраза — лишь поэтический образ: изъятие списка повлекло бы репрессивные акции, узнать — можно. Просто автор акцентирует мысль, что «поименно назвать» надо бы, однако — нельзя.

Это «нельзя», этот благородный запрет на собственные имена становится в стихотворении могучим художественным средством, особым приемом пронзительной выразительности и экспрессивности. Вместо имен женщин-страдалиц мы видим «И ту, что едва до окна довели,/И ту, что родимой не топчет земли,/И ту, что красивой тряхнув головой,/Сказала: «Сюда прихожу, как домой». Антропони́мы заменяются яркими и точными поэтическими дескрипциями. Точно так же, описательно обозначаются и другие носители собственных имен: «в этой стране» (-в СССР); «Ни около моря, где я родилась: Последняя с морем разорвана связь» (-в Одессе, около Черного моря); «Ни в царском саду у заветного пня, Где тень безутешная ищет меня» (-в Царском Селе, с тенью расстрелянного Николая Гумилева); «А здесь, где стояла я триста часов, /И где для меня не открыли засов» (в другом стихотворении цикла это «здесь» расшифровывается устрашающим собственным именем: «Как трехсотая, с передачею,/Под **Крестами** будешь стоять»).

Под пером мастера безымянность становится безусловно точнее и неизмеримо ярче собственных имен. В этом плане особый интерес представляет появление в заключительной строке стихотворения единственного в нем собственного имени: «И голубь тюремный пусть гулит вдали,/И тихо идут по Неве корабли». Имя появляется в картине будущего — как успокоение «в смерти блаженной», как то бесконечно родное, без чего не обойтись. И одновременно — как возврат к самому началу цикла, где река не названа: «Перед этим горем гнутся горы,/Не течет великая река». Как возврат из будущего к горькому настоящему, где царствует безымянность...

Нева все же присутствует в этом первом стихотворении — «Солнце ниже, и Нева туманней». Но в цикле присутствуют и совсем другие реки: «Тихо льется тихий Дон», «Клубится Енисей». Это — уже о масштабах народной муки. Если в заключительном стихотворении единичные объекты обозначены без помощи собственных имен, то в остальных стихотворениях цикла собственные имена по преимуществу выражают отнюдь не единичные объекты, а обобщенно называют всю страну. Повествуя о том, как «ненужным

привеском болтался /Возле тюрем своих Ленинград», Ахматова отнюдь не локализует народных бедствий. Ведь это, вспомним, «кричит стомиллионный народ»: «Звезды смерти стояли над нами, /И безвинная корчилась Русь». Свидетели — небо и христианские святыни: «Звезда Полярная сияет», «Магдалина билась и рыдала».

Безысходная парадоксальность умерщвляющей жизни («улыбался/Только мертвый, спокойствию рад») приводит к невероятному, парадоксальному употреблению собственных имен. Представленная в «Реквиеме» функциональная инверсия онимии, при которой носители собственных имен обозначаются нарицательными словами, а собственные имена передают общие понятия, — образец формы, адекватной содержанию.